

«ПРИЗЫВ К ОРУЖИЮ» В ДИСКУРСЕ ВОЙНЫ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Ракитянская Елена Васильевна

канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, РФ, г. Абакан

'The call to arms' in war discourse within the framework of the theory of speech acts

Elena Rakityanskaya

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Katanov State University of Khakassia, Russia, Abakan

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований в рамках научного проекта № 15-34-01246

*The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, **Project # 15-34-01246***

Аннотация. В данной статье рассматривается одна из составляющей дискурса войны «призыв к оружию» в рамках теории речевых актов Дж. Серля, так как эта теория объясняет превращение языковых выражений в социальные действия. Анализ показывает, что в «призыве к оружию» содержатся все выделенные Серлем иллокуции в прямых или косвенных речевых актах, целью которых является убеждение группы «своих» и угроза группе «чужих».

Abstract. The article deals with 'the calls to arms'- a constituent part of war discourse, in the framework of the theory of speech acts by J. Searle. This theory is relevant here because it explains how speech acts turn into social actions. The analysis shows that 'the call to arms' contains all locutions and illocutions revealed by Searle in both direct and indirect way that results in persuading the in-group and threatening the out-group.

Ключевые слова: дискурс войны; призыв к оружию; речевой акт; иллокутивная сила; лингвистическая технология.

Keywords: war discourse; the call to arms; speech act; illocutionary force; linguistic technology

Технологичность современного политического дискурса не вызывает сомнений у специалистов разных гуманитарных направлений, в том числе и лингвистов. Зарубежные и отечественные школы дискурсивного анализа занимаются выявлением и изучением лингвистических технологий, стратегий и тактик политического дискурса, целью которых является сформировать массовом сознании ожидаемые образы и представления о ситуации в мире.

Нестабильная политическая ситуация, революционные настроения, террористическая угроза и даже военные действия в ряде стран способствуют тому, что современный политический дискурс постепенно превращается в дискурс войны, представляющий собой «использование лингвистических приемов в рамках социального взаимодействия в ходе начала, развертывания, ведения, командования и обсуждения военного политического конфликта» [1, с. 63].

Дискурс войны, согласно характеристике представителя школы критического анализа дискурса А. Ходжеса, обязательно включает призыв к оружию, дискурсивное конструирование социальных идентичностей и использование оправдательных языковых средств [4]. Заметим, что лишь призыв к оружию является отдельным элементом дискурса войны, доступным для лингвистического анализа, так как обычно представляет собой публичное обращение главы государства к народу, предшествующее началу военных действий с его стороны. Другие составляющие (дискурсивное конструирование социальных идентичностей и использование оправдательных языковых средств) пронизывают весь дискурс войны в целом, в том числе и призыв к оружию.

Целью данной статьи является лингвистический анализ составляющей военного дискурса «призыв к оружию» с позиции теории речевых актов Дж. Серля. Эта теория представляется нам наиболее эффективной в связи с тем, что именно она объясняет превращение языковых выражений в социальные действия, а именно рассматривает любое высказывание как целенаправленный речевой акт, содержащий в себе пропозициональный истинный смысл и иллокутивную силу, результатом которых является успешность речевого акта (т.е. достижение цели говорящего) или его провал.

Классификация иллокутивных актов Дж. Серля ограничивается только пятью пунктами, которые охватывают, по его мнению, все возможные речевые акты [2, с. 181]:

1. Ассертивы – сообщения, информативные акты, их цель – сообщить слушающему пропозицию, то есть истинное содержание высказывания;
2. Директивы – указания, предписания, их цель – заставить слушающего действовать в соответствии заявленной пропозиции;
3. Коммиссивы – акты принятия обязательств, их цель – сообщить о решении говорящего осуществить действие;
4. Экспрессивы – акты выражения эмоционального состояния, их цель – описать внутреннее состояние говорящего;
5. Декларативы (или перформативы) – декларации, вердикты, заявления, их цель – создать новое положение вещей в мире.

В качестве яркого примера призыва к оружию рассмотрим речь Б. Обамы от 09 сентября 2013 г., в которой президент США сообщает о его решимости нанести точечные военные удары по Сирии [3], а также выступление советника президента Б. Обамы по национальной безопасности С. Райс, еще раз объясняющее стратегическое решение президента [6].

Как уже было сказано, одним из главных технологических приемов дискурсивной технологии войны является дискурсивное конструирование социальных идентичностей, то есть четкое определение групп своих и чужих. Группа «своих» в дискурсе Б. Обамы обозначена местоимением «мы», в которую входят все граждане США, члены Конгресса США, а также их союзники (Турция, Иордан, Израиль). Группа «чужих» симметрично обозначена

местоимением «они» и представляет собой страны оппозиции (Сирия, Иран, Ирак, Афганистан, Россия, Северная Корея), их лидеры, а также запрещенные террористические организации. В лексическом и концептуальном плане группа «своих» представлена в выгодном свете: борющаяся за мир, отстаивающая права человека и т.д.: *peaceful, humanitarian support, moderate opposition political settlement, building, educating, growing, kids, middle class etc.* В группе «чужих», наоборот, доминируют такие черты как жестокость, бесчеловечность, беззаконие, насилие, смерть и т.д.: *repressive, civil, killed, fled, gassed, massacre, sickening, poison, gas, foaming, terrible, violated, gruesome etc.*

Учитывая эту четкую дифференциацию, пропозициональный анализ, являющийся основой теории речевых актов, четко разделяет набор используемых пропозиций по дихотомии ОНИ – МЫ:

*...When dictators commit atrocities, **they** depend upon the world to look the other way;*

*Any other retaliation **they** might seek is in line with threats that **we** face every day.*

Итак, президент Обама начинает свое выступление, вводя в дискурс пропозиции “THEY KILL CIVILIANS”, “THEY USE CHEMICAL WEAPONS”:

*...where **they** mix sarin gas. **They** distributed gasmasks to their troops. Then **they** fired rockets from a regime-controlled area into...*

Президент сообщает своему населению, что Б. Асад использовал в своей стране химическое оружие, в результате чего погибло более ста тысяч человек, в том числе множество детей. Неудивительно, что его речь изобилует ассертивами, что вполне логично, так как основная задача президента – информировать своего адресата. Ассертивы сопровождаются такими утверждениями говорящего, как: *We know..., We've also studied u др.*, убеждая слушающего в истинности заявленных смыслов.

Однако, эти же пропозиции сопровождаются экспрессивами, выражающими внутреннее состояние президента, его негодование и шок по поводу последствий произошедшего:

The images from this mass acre are sickening: Men, women, children lying in rows, killed by poison gas. Others foaming at the mouth, gasping for breath. A father clutching his dead children, imploring them to get up and walk.

...people with those images of children writhing in pain, and going still on a cold hospital floor.

Эмоциональное состояние президента сопровождается вводом новых пропозиций: “WE ARE AGAINST SKILLING CIVILIANS”, “WE ARE AGAINST USING CHEMICAL WEAPONS”, WE START MILITARY ACTIONS”. В первую очередь эти речевые акты являются также ассертивами, так как информируют слушающего о позиции США по вопросам химического оружия. Кроме того, они обладают дополнительной иллокутивной силой, которая относит их к разряду коммисива, так как, произнося их, говорящий берет ответственность за последующие принимаемые им действия:

*This is not a world **we** should accept;*

*...make clear to the world that **we** will not tolerate their use;*

*...from the critical decisions about when **we** use force;*

*And **we** will continue to rally support from allies from Europe to the Americas -- from Asia to the Middle East -- who agree on the need for action;*

*What kind of world will **we** live in if the United States of America sees a dictator brazenly violate international law with poison gas, and **we** choose to look the other way?*

*But when, with modest effort and risk, **we** can stop children from being gassed to death, and thereby make **our** own children safer over the long run, I believe **we** should act.*

В последнем примере используются оправдательные языковые средства, типичные для дискурса войны, так как 'modest effort and risk' являются эвфемизмом для военных ударов по Сирии. Кроме того, в этом примере объясняется причина таких заявлений, которая выделяется отдельной пропозицией "WE ARE NOT SAFE", что подтверждается еще рядом примеров:

Because what happened to those people - to those children - is not only a violation of international law, it's also a danger to our security;

I determined that it is in the national security interests of the United States to respond to the Assad regime's use of chemical weapons through a targeted military strike;

I believed it was right, in the absence of a direct or imminent threat to our security, to take this debate to Congress.

Our ideals and principles, as well as our national security, are at stake in Syria.

Поскольку заявление президента о его решении нанести военные удары по Сирии является чрезвычайно радикальным, категорическим и неожиданным, президент опасается, что оно может быть не поддержано ни Конгрессом, ни народом, в связи с этим ему приходится усилить свои доводы и убеждения в том, что такие действия рациональны, обдуманы и безвредны. Для этого в дискурс «призыва к оружию» вводится технология обратной связи, которая реализуется с помощью вопросов к президенту и его ответов на них.

Президент озвучивает пять вопросов от членов Конгресса и простых людей, касающихся возможных рисков после военных ударов по Сирии. Ответы сопровождаются следующими пропозициями:

1. "STRIKES ARE NOT WAR BEGINNING";
2. "STRIKES WILL THREATEN THEM";
3. "WE ARE NOT AFRAID OF THEM", "WE ARE STRONGER";
4. "AFTER STRIKES WE BUILD PEACE";
5. "WE ARE FOR PEACE".

Итак, все пропозиции последовательно встраиваются в идею, что военные удары необходимы для исполнения основной миссии США – обеспечения мира во всем мире за счет любых средств, не исключая применение оружия. Пропозициональный анализ вскрывает, что подборка вопросов не случайна, так как ответы на них выстраивают логичное доказательство правоты и рациональности президента. Заметим, такая технология часто используется в политическом дискурсе, так как она кроме скрытого убеждения выполняет еще одну необходимую для лидера страны функцию – сближает его с народом.

Безусловно, ответы президента чисто формально представлены ассертивами, что обусловлено формой технологии вопрос – ответ (ответы должны объяснять и информировать), однако на макроуровне эта технология обладает дополнительной иллюкативной силой, поскольку является косвенной просьбой, т.е. директивом. Президент, обосновывая рациональность своих доводов, просит членов Конгресса проголосовать за его решение, то есть целью данной технологии является не только убеждение, но и призыв к действию.

Дихотомия ОНИ – МЫ прослеживается не только в организации пропозиционального содержания дискурса Б. Обамы, но и в дифференциации адресатов, которыми являются как группа «своих», так и группа «чужих». Вышеперечисленные пропозиции ориентированы, прежде всего, на группу «своих», их цель объяснить ситуацию, выразить чувства, взять

обязательства и призвать к голосованию за решение президента. Одновременно с ними, дискурс президента ориентирован на группу «чужих», представители которой, по замыслу авторов дискурсивных технологий, так же являются зрителями. Для них транслируются следующие пропозиции: “WE ARE WORLD’S LEADER”, “WE ARE THE STRONGEST”.

We don’t dismiss any threats, but the Assad regime does not have the ability to seriously threaten our military. Any other retaliation they might seek is in line with threats that we face every day. Neither Assad nor his allies have any interest in escalation that would lead to his demise;

...as well as the unshakeable support of the United States of America;

...I possess the authority to order military strikes;

...the United States has been the anchor of global security. This has meant doing more than forging international agreements -- it has meant enforcing them. The burdens of leadership are often heavy, but the world is a better place because we have borne them;

... along with our leadership of a world where we seek to ensure that the worst weapons will never be used;

That’s what makes America different. That’s what makes us exceptional. With humility, but with resolve, let us never lose sight of that essential truth;

God bless you. And God bless the United States of America.

Эти высказывания, которые формально являются асертивами, реализуют косвенную речевую стратегию угрозы, т.е. относятся к комиссивам. Таким образом, заявления о мировом господстве вселяют уверенность в действиях президента группе «своих» и страх и боязнь расплаты группе «чужих», что, несомненно, является очередных технологическим приемом.

Массовость использования лингвистических технологий в дискурсе войны подтверждается также анализом сходной речи другого официального лица – С. Райс [6]. Лингвистический анализ показал, что оба выступления совпадают по своему концептуальному и пропозициональному содержанию, анализ речевых актов подтвердил идентичность локуций и иллокуций, совпадают даже косвенные смыслы и макростратегии дискурсов.

Итак, анализ речевых актов показал, что «призыв к оружию» в дискурсе войны представлен всеми типами иллокуций, кроме последней – декларатива. Говорящий не использует в своем дискурсе высказываний, делящих мир на до и после. Однако, эта иллокутивная сила также присутствует в данном дискурсе на макроуровне, поскольку сам жанр «призыва к оружию» воспринимается адресатом как сообщение о новом состоянии мира, а именно о начале войны. Однако, такое не прямое сообщение качественно отличает современное понимание войны от традиционного, где «призыв к оружию» неизменно сопровождался бы официальным объявлением войны, а оппонентами были бы реальные люди или государства. Современные войны, например, война с террором – другая, она имеет дело с бестелесным врагом, оговаривается исключительно в правовых рамках и больше похожа на технологию, чем на реальные боевые действия [5].

Список литературы:

1. Ракитянская Е.В. Дискурс войны с позиции дискурса власти // Высшая школа. Научно-практический журнал. – № 21. – 2016. – С. 62-66.
2. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986.
3. President Obama’s Sept. 10. Speech on Syria // <https://www.washingtonpost.com/politics/running-transcript-president-obamas-sept-10-speech-on->

syria/2013/09/10/a8826aa6-1a2e-11e3-8685-5021e0c41964_story.html?utm_term=.ed2d1e22e701\
(Датаобращения: 20.10.2017)

4. Hodges, A. Discourse, War and Terrorism. – Oxford University Press, 2013.

5. Kennedy, D "Speech: Modern War and Modern Law," University of Baltimore Law Review. – 2007, - Vol. 36, Iss. 2 , Article 2 // <http://scholarworks.law.ubalt.edu/ublr/vol36/iss2/2> (Дата обращения: 10.10.2017)

6. Susan Rice speaks on Syria, full text // <https://www.politico.com/story/2013/09/susan-rice-syria-full-speech-text-096484> (Дата обращения: 20.10.2017)